

М. В. Шкаровский

Петербургские старообрядцы, не имеющие священства, в 1941–2020 гг.

УДК 271.2-86-9:94(47)

DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_355

Аннотация: Статья посвящена истории не приемлющих священства старообрядческих общин в Санкт-Петербурге и Ленинградской области — регионах значительного распространения этой конфессии, где ее традиции всегда отличались прочностью. Работа продолжает более раннюю статью, охватывающую период 1720-х — 1941 гг., и описывает избранную тему вплоть до настоящего времени. В годы Великой Отечественной войны некоторые уцелевшие после массовых репрессий общины старообрядцев вышли из подполья, но в 1945–1946 гг. в Ленинграде и области лишь две из них были официально зарегистрированы. Эти общины продолжили свое существование до времени перестройки, несмотря на антирелигиозные гонения 1958–1964 гг. После распада СССР количество храмов и моленных старообрядцев-беспоповцев в Санкт-Петербурге и области выросло до четырех, однако численность членов общин остается небольшой. Статья подготовлена на основе значительного комплекса ранее не введенных в научный оборот архивных документов. Работа рассчитана на научных работников, верующих, а также всех читателей, интересующихся церковной историей.

Ключевые слова: старообрядцы, беспоповцы, Санкт-Петербург, моленные, антирелигиозная политика, репрессии верующих.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Ссылка на статью: Шкаровский М. В. Петербургские старообрядцы, не имеющие священства, в 1941–2020 гг. // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 355–374.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2021

Mikhail V. Shkarovsky

St. Petersburg Priestless Old Believers in 1941–2020

UDC 271.2-86-9:94(47)

DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_355

Abstract: The article is devoted to the history of Old Believer communities that do not accept the priesthood in Saint Petersburg and the Leningrad Region, regions of significant distribution of this denomination, where its traditions have always been strong. The work continues an earlier article covering the period of the 1720s–1941, and describes the chosen topic up to the present time. During the Great Patriotic War, some surviving communities of Old Believers came out of hiding after mass repressions, but in 1945–1946 only two of them were officially registered in Leningrad and the region. These communities continued to exist until the time of perestroika, despite the anti-religious persecution of 1958–1964. After the collapse of the Soviet Union, the number of churches and worshipers of Old Believers-Bespopovtsy in St. Petersburg and the region increased to four, but the number of community members remains small. The article is prepared on the basis of a significant set of archival documents not previously introduced into scientific circulation, primarily for the first post-revolutionary decades. The work is intended for researchers, believers, and all readers interested in church history.

Keywords: Old Believers, bespopovtsy, Saint Petersburg, worshipers, anti-religious policy, repression of believers.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences, Chief archivist of the Central State Archive of St. Petersburg, Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Article link: Shkarovsky M.V. St. Petersburg Priestless Old Believers in 1941–2020. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 4, pp. 355–374.

В начале XX в. в Петрограде и окрестностях проживало около 30 тысяч представителей трех согласий беспоповцев: поморского, федосеевского и филипповского. После Октябрьского переворота 1917 г. положение старообрядческих общин Петроградской губернии постепенно начало ухудшаться. Несмотря на уступки советских властей в 1920-е гг., с конца этого десятилетия массовые антирелигиозные гонения охватили и старообрядцев. К лету 1941 г. все их моленные были закрыты, и остатки общин временно ушли в подполье.

Последний официально действовавший молитвенный дом старообрядцев-беспоповцев — в д. Ротково Красногвардейского (Гатчинского) района — оказался закрыт уже после начала Великой Отечественной войны, согласно постановлению Леноблисполкома от 30 июня 1941 г. Его здание передали под культурное учреждение [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 10. Д. 1889. Л. 109; Д. 1904. Л. 342; Оп. 11. Д. 849. Л. 83]. Репрессии в отношении староверов со стороны органов НКВД продолжались даже в первые месяцы войны. Так, 29 июня 1941 г. был арестован проживавший в д. Вольное Заборовье Солецкого района Новгородского округа старообрядческий священник Демьян Гаврилович Кузнецов. 17 октября 1941 г. он был приговорен к 10 годам заключения и скончался 12 августа 1942 г. в исправительно-трудовой колонии № 7 г. Березники Пермской области [Мартиролог, 2017, 508].

Летом 1941 г. в Ленинградской области сильно пострадали старообрядческие деревни, оказавшиеся на передовой. В некоторых районах советские войска при отступлении сжигали все, чем могли воспользоваться немцы, в связи с чем погибли многие деревни, расположенные на левом берегу реки Волхов. Одной из них была д. Моршагины, в которой вместе с домами жителей сожгли закрытое здание моленной [Сяков, 2001, 2].

До лета 1941 г. продолжала действовать старообрядческая моленная свт. Христова Николы в д. Лавния Волховского района, в которой служил «поп дядя Степан». В начале войны многие мужчины ушли на фронт, а оставшиеся в деревне жители в 1942 г. были эвакуированы в с. Воскресенское на реке Сясь. В их домах временно размещались отправленные на отдых воинские подразделения. Жители вернулись в Лавнию лишь в 1944 г. В период войны была разорена моленная, в ее здании колхоз устроил зернохранилище [Королькова, 2011, 297–298].

В период немецкой оккупации старообрядческие общины вышли из подполья. В Пскове не приемлющим священство староверам была даже предоставлена для проведения богослужений не действовавшая православная церковь св. Василия Великого на Горке в центре города. Ее община получала помощь от многочисленных старообрядцев Латвии и Эстонии. Так, только на эстонском побережье Чудского озера в 1945 г. проживало около 10 тыс. русских старообрядцев (главным образом беспоповцев), в г. Калласте они даже составляли 95% населения. Группа староверов существовала и в отошедшем в конце войны к Псковской области г. Печоры. В информационной записке уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Эстонской ССР И. Киви от 18 ноября 1945 г. говорилось: «Широкие массы старообрядцев, особенно причудских, характеризуются в политическом отношении во время оккупации на 90% враждебными немцам. Как иллюстрацию их теперешнего политического настроения привожу фразу одного из их деятелей: „Хотя советская власть и плохая, но все же это наша власть“» [Одинцов, 1995, 193–194].

Впрочем, некоторые старообрядцы все же сотрудничали с немцами. Один из свидетелей тех событий Д. Каров позднее в своих воспоминаниях писал: «Можно смело утверждать, что в самой среде староверов немецкой контрразведке делать было нечего — советских агентов там не было... Староверы, жившие в лесах, чрезвычайно точно информировали абвер обо всем происходящем у партизан и их передвижениях» (см.: [Карпов, 1954]).

Об этом же говорится в монографии И. Г. Ермолова: «в октябре 1941 г. в тылу 18-й немецкой армии при абвере из староверов был создан русский вооруженный отряд. К концу 1941 г. он разросся в роту, численностью в 200 человек, которая участвовала

в бою под Тихвином, дислоцировалась в селе Лампово — одном из северо-западных центров староверов-федосеевцев. По данным абвера, старообрядцы стали для фронтовой разведки особо ценным материалом, в отличие от священников РПЦ и протестантов. По данным А. В. Посадского, именно старообрядцы оказывали оккупантам большую помощь в борьбе с партизанским движением. В частности, точно информировали абвер о дислокации партизанских отрядов, их передвижениях, в то же время среди старообрядцев не было советских агентов. Попавший в немецкий плен советский майор госбезопасности на допросе показал, что в течение 1941–1942 гг. множество переброшенных за линию фронта советских агентов погибли либо от рук староверов, либо были выданы ими врагу, что объясняется большим количеством староверов в северо-западной части России, их враждебностью к советской власти» (см.: [Ермолов, 2001]).

Правда, эти сведения не совсем точны. Закрытый в сентябре 1940 г. поморский храм свт. Христова Николы в деревне Лампово Гатчинского района, оккупированной 28 августа 1941 г., вновь начал действовать при немецкой оккупации в октябре того же года, и в деревне одно время располагался вооруженный отряд коллаборантов, но его сформировали из советских военнопленных. Согласно воспоминаниям местных жителей, старообрядцев в этом отряде почти не было. Наставником ламповской общины с 1942 до ноября 1943 гг. служил проживавший ранее в Гатчине Никита Иванович Красноперов. 11 ноября большая часть жителей деревни была вывезена немцами в Субчскую волость Паневежского уезда Литвы, где они в основном работали батраками до освобождения этой территории советскими войсками и возвращения на родину в сентябре 1944 г. Н. И. Красноперов эвакуировался в Ригу и после окончания войны остался в Латвии [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 45. Л. 1–2, 18].

Еще один поморский храм — в д. Ротково Гатчинского района — действовал с осени 1941 по 1943 гг. Его деревянное здание с высокой колокольней было повреждено авиабомбой, а в 1943 г. сильным ветром сорвало большую часть крыши. Проведению восстановительных работ в то время помешала насильственная эвакуация немцами жителей деревни в Прибалтику [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 43. Л. 36].

Помимо Лампово, Ротково и Пскова известны случаи открытия молитвенных домов беспоповцев и в других местах тогдашней территории Ленинградской области: д. Сологубовка Тосненского района, д. Запередолье Лужского района, пос. Дедовичи Дедовичского района Псковского округа, Хотыгощской моленной Волотовского района Псковского округа и т. д. В частности, наставником общины в Дедовичах с осени 1941 по 1944 гг. служил Марк Евдокимович Зубов [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 45. Л. 145].

Какие-либо конфликты старообрядцев с Православной Псковской духовной миссией не известны. Более того, происходило даже определенное их сближение. Так, в одном из номеров газеты «Православная Русь» за 1942 г. отмечалось: «В Псковской области, а также и всюду в Прибалтике и Литве много старообрядцев. В настоящее время произошло отраднейшее явление: старообрядцы перестали чуждаться Православной Церкви, и во многих местах произошло фактическое их объединение с Православной Церковью. Много этому способствовал своею умелой и разумной политикой Рижский экзарх — митрополит Сергей, которого старообрядцы теперь очень почитают» [Архив СПб епархии. Ф. 1. Оп. 4. П. 11. Д. 3; Православная Русь. 1942. № 21–22. С. 5].

В целом в годы войны Ленинградская область потеряла значительную часть старообрядческого населения. Проживавшие на оккупированных территориях люди работоспособного возраста были в основном вывезены на работы в Прибалтику или Германию; всех молодых мужчин из других районов области призвали в ряды советской армии. В начале войны многие старообрядцы ушли в лес и стали жить в землянках (где даже устраивали моленные), однако немцы под угрозой расстрела заставили их вернуться в деревни, опасаясь развития партизанского движения. Тех, кто не выполнял приказы, казнили. Так погибла наставница старообрядцев д. Большое Заречье

«тетя Поля», расстрелянная в землянке, где она молилась. 5 ноября 1943 г. немцы полностью сожгли эту деревню. Ее оставшиеся без крова жители переселились в соседние деревни.

Трагичной была судьба и старообрядцев ряда других оккупированных мест. При отступлении немцы во многих районах Ленинградской области использовали тактику выжженной земли. Так были уничтожены деревни старообрядцев, расположенные в Лужском и Гатчинском районах по берегам рек Оредеж и Рыденка. В частности, в д. Запередолье нацисты сожгли моленную, действовавшую с осени 1941 г.; в д. Липовик Волховского района в январе 1944 г. был сожжен со всей деревней федосеевский деревянный молитвенный дом Пресвятой Троицы и т. д. Значительная часть старообрядческого населения, находившегося на оккупированной территории, погибла от голода в 1941–1942 гг. И при насильственной эвакуации населения в конце 1943 — начале 1944 гг. нацисты нередко оставляли стариков в деревнях, обрекая их на голодную смерть. Тела скончавшихся даже не хоронили, а свозили к старообрядческим кладбищам и бросали на окраине [Королькова, 2014, 277–278].

С приходом советских войск почти все открывшиеся в период оккупации старообрядческие молитвенные дома беспоповцев были вновь закрыты. Так, в Дедовичах в 1944 г. наставник Марк Зубов оказался призван в советскую армию, а моленную закрыли. После демобилизации М. Е. Зубов с 20 июля 1946 по 10 июня 1958 гг. служил наставником общины в Пскове. В 1947 г. перестала действовать моленная в д. Сологубовка Тосненского района.

Исключение составили храмы св. Василия Великого на Горке в Пскове и свт. Христова Николы в д. Лампово Гатчинского района. Прихожанин ламповской общины Ф. А. Агафонов 8 января 1946 г. отправил заявление Ленинградскому уполномоченному Совету по делам религиозных культов Н. М. Васильеву о занятии общинного дома в мае 1945 г. под свою квартиру председателем колхоза Якушевым, превращении им церковной кладовой в хлев и срыве в пьяном виде службы 13 декабря 1945 г., в Николин день. Уполномоченный энергично откликнулся и несколько раз писал в Гатчинский райисполком и прокуратуру о необходимости наведения порядка. Наконец, 17 апреля райисполком известил Н. М. Васильева о возвращении Якушевым присвоенного церковного имущества, а 16 августа 1946 г. и районный прокурор сообщил о снятии Якушева с должности председателя колхоза, отметив, что его «привлечение к уголовной ответственности не рассматривается» [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 45. Л. 1–2, 8, 12].

12 февраля 1946 г. верующие подали Н. М. Васильеву заявление о регистрации общины с указанием, что в Лампово проживают 150 старообрядцев, и еще 140 — в соседних деревнях. Уже через четыре дня уполномоченный попросил райисполком прислать материалы к открытию храма, однако местные власти попытались затянуть решение вопроса. Трижды Н. М. Васильев отправлял напоминание райисполкому, но тот исполнил запрос только 17 июня, и то лишь после письма уполномоченного секретарю райкома ВКП(б). 16 августа Н. М. Васильев составил заключение для Совета по делам религиозных культов о целесообразности открытия храма с указанием, что после освобождения от оккупации в нем периодически проходят службы без наставника, в Лампово проживают 150 семей старообрядцев, а с окрестными селами — до 400 семей. 2 октября Совет по делам религиозных культов известил уполномоченного о своем постановлении от 19 сентября разрешить функционирование храма, а 26 октября 1946 г. Н. М. Васильев указал райисполкому в течение семи дней официально передать здание храма и его имущество общине [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 45. Л. 16–17, 19–21, 29, 33–37].

В тот же день Ламповская община была зарегистрирована уполномоченным. В своих документах Н. М. Васильев отмечал, что в ней состоит 1500–2000 человек. 1 декабря того же года состоялось общее собрание, единогласно избравшее наставником Григория Ивановича Панкратьева, зарегистрированного 12 декабря. Являясь уроженцем и жителем Лампово, он был наставником с 1917 г., в 1933 г. лишился

избирательных прав, в 1939 г. временно перестал служить, занимался крестьянским трудом, а 11 ноября 1943 г. оказался угнан немцами в Литву и вернулся в родную деревню 6 сентября 1944 г. 8 декабря избранные на общем собрании члены двадцатки выбрали председателем Василия Алексеевича Евстигнеева. В тот же день члены общины заключили договор с Гатчинским райисполкомом об использовании молитвенного дома поморцев в Лампово, который с тех пор не закрывался [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 2. Д. 13. Л. 5].

Община, в которую входили жители 15 деревень Гатчинского района, находилась под постоянным контролем. 12 декабря 1946 г. была составлена опись церковного имущества, с 1948 г. уполномоченному регулярно выслались финансовые отчеты, акт финансово-хозяйственных проверок, сведения о количестве совершенных треб и списки членов двадцатки, причем исполнительный орган общины раз в несколько лет проходил перерегистрацию. Членам общины приходилось обращаться к Н. М. Васильеву даже с просьбой помочь в приобретении свечей, например 12 апреля 1948 г.

В июле 1947 г. Г. И. Панкратьева разбил паралич, и 12 апреля 1948 г. уполномоченному были представлены анкета и автобиография приглашенного общиной наставника Кирияна Васильевича Иванова. Однако он проживал в Новгородской области, и К. В. Иванову не разрешили переехать в Лампово. Тогда члены общины на собрании 9 мая выбрали новым наставником жившего в Гатчине Дмитрия Прокофьевича Трофимова. 27 апреля и 10 мая они дважды подавали заявления о его регистрации, что и произошло 14 мая 1948 г. Правда, 25 января 1953 г. Д. П. Трофимов написал заявление о снятии его с регистрации из-за болезни, но прихожане на общем собрании попросили наставника остаться «до подыскания нового», и Дмитрий Прокофьевич служил в Лампово еще более 10 лет, вплоть до своей кончины [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 45. Л. 95–97].

После окончания Великой Отечественной войны многие фронтовики и депортированные немцами старообрядцы Ленинградской области разъехались по стране. Лишь небольшое их количество вернулось в районы традиционного проживания. Однако в некоторых регионах области еще несколько десятилетий действовали нелегальные старообрядческие моленные, в частности, в местах проживания тихвинских карел. Там, где не было моленных, богослужения проводились в жилых домах; требы совершали «знающие» староверки [Королькова, 2014, 279].

Волховский район, являвшийся до начала 1940-х гг. главным регионом проживания старообрядцев в Ленинградской области, особенно сильно пострадал в период Великой Отечественной войны. Поэтому их легальная деятельность так и не возродилась. В информационном докладе уполномоченного Н. М. Васильева за I квартал 1946 г. лишь отмечалось, что группа старообрядцев в Волховском районе готовится подать заявление о регистрации. В информационном докладе за II квартал 1946 г. говорилось о существовании в д. Грязно этого района группы из 30 старообрядцев. А в списке незарегистрированных действующих религиозных общин Ленинградской области от 30 ноября 1946 г. имелись сведения о возникновении в 1944 г. группы из 25–30 старообрядцев без постоянного помещения в д. Рогожино Волховского района [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 14; Д. 5. Л. 49].

В д. Ротково Гатчинского района после окончания войны сильно пострадавшее в 1943 г. здание пустовало и постепенно разрушалось. 16 февраля 1948 г. исполком местного сельского совета принял решение об отказе верующим в открытии храма. 30 января 1949 г. ламповская община подала заявление Ленинградскому уполномоченному Совету по делам религиозных культов Н. М. Васильеву о разрешении забрать церковную утварь и иконы из храма Ротково в свою моленную. Так как согласия не последовало, 30 ноября 1950 г. уже жители Ротково написали ходатайство Н. М. Васильеву о разрешении перенести церковную утварь и иконы из своего храма в моленную д. Лампово [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 100. Л. 29; Оп. 3. Д. 43. Л. 29; Д. 45. Л. 81].

Вероятно, в этот раз согласие было получено, и 10 июня 1954 г. верующие жители Ротково подали Н. М. Васильеву новое заявление — о разрешении перенести здание

храма с последующим ремонтом в Гатчину, для местных старообрядцев. 4 августа того же года и старообрядцы Гатчины и окрестностей написали ходатайство уполномоченному о строительстве в городе молитвенного дома из материалов полуразрушенного храма в Ротково. Но в этот раз разрешения не последовало [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 43. Л. 36, 41–42]. 30 июня 1956 г. Гатчинский райисполком написал Н. М. Васильеву о намерении разобрать полуразрушенное здание на строительный материал для местной школы. Заключение уполномоченного было положительным, и 28 июня 1957 г. Леноблисполком принял постановление о разрешении разборки остатков здания, что вскоре и было сделано [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 2. Д. 7. Л. 159, 165–166].

Уникальную активность в своем стремлении возродить молитвенный дом в послевоенный период проявили старообрядцы Гатчины, их ходатайства трижды рассматривались Леноблисполкомом, но каждый раз получали отказ. Еще 30 ноября 1946 г. в списке незарегистрированных действующих религиозных групп области Ленинградский уполномоченный Совета по делам религиозных культов Н. М. Васильев упомянул о возникновении в Гатчине в 1944 г. группы поморцев из 25–30 человек, не имеющих постоянного помещения [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 5. Л. 49].

19 марта 1947 г. старообрядцы Гатчины и окрестностей (около 300 человек) подали первое ходатайство Н. М. Васильеву об открытии их храма на кладбище. Однако 25 июля Ленинградский уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви А. Кушнарера сообщил Н. Васильеву о невозможности передачи старообрядцам находившегося в их пользовании до войны здания Иоанно-Предтеческой церкви, так как оно уже используется православными. 10 октября Васильев сообщил председателю общины об отклонении их ходатайства [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 43. Л. 9–14].

8 апреля 1948 г. поморцы Гатчины и окрестностей (около 200 человек) подали уполномоченному новое ходатайство — об открытии моленной в деревянном двухэтажном частном доме на Ленинградской ул., 6., который они арендовали на пять лет. Однако 23 июня горисполком написал негативно заключение с указанием, что помещение, в котором проводятся службы, является комнатой в жилой квартире, а старообрядцев в городе насчитывается всего 20–25 человек. В результате Леноблисполком 28 июля 1948 г. принял решение об отклонении ходатайства, и 11 февраля 1949 г. Совет по делам религиозных культов выразил согласие с этим решением [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 43. Л. 15, 18–29].

В начале 1953 г. старообрядцы Гатчины написали заявление Н. М. Васильеву об открытии их прежнего молитвенного дома св. Михаила Архангела на кладбище, который тогда стоял закрытым (в первые послевоенные годы он использовался Леснабом), но 11 февраля уполномоченный указал в справке об отклонении и этого прошения [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 4. Л. 21; Оп. 3. Д. 43. Л. 30–31].

1 февраля 1954 г. верующие подали ходатайство о передаче им здания православной церкви, находившегося в их пользовании до войны, председателю Совета Министров Г. М. Маленкову, а 29 июня того же года и председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову о передаче им здания [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 43. Л. 33, 38], но успеха не добились.

В это же время, как уже говорилось, жители д. Ротково подали Н. М. Васильеву заявление о разрешении перенести полуразрушенное здание их храма с последующим ремонтом в Гатчину для местных старообрядцев, которые планировали из этих материалов построить молитвенный дом на месте снесенной кладбищенской сторожки. Дело затянулось на год, лишь 15 апреля 1955 г. горисполком сообщил, что планируемое место строительства на территории кладбища уже используется под захоронение. Уполномоченный согласился с этими доводами, хотя и отмечал в своей справке о поступлении ходатайства от 1000 старообрядцев — 690 в Гатчине и 310 в окрестностях. В итоге Леноблисполком 30 августа 1955 г. принял решение об отклонении ходатайства из-за отсутствия места для строительства молитвенного дома [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 43. Л. 41–50; Ф. 7179. Оп. 53. Д. 355. Л. 138; Д. 416. Л. 104–108].

16 февраля 1956 г. старообрядцев Гатчины подали Н. М. Васильеву следующее ходатайство — о передаче им полуразрушенного здания православной церкви Всех святых на кладбище, которое хотели восстановить. Однако 19 ноября Ленинградский уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви В. Ф. Федосеев написал Н. М. Васильеву о невозможности передачи здания церкви Всех святых, так как Леноблисполком еще 1 июня 1954 г. принял решение о его сносе. К тому же горисполком сообщил о нецелесообразности передачи здания, так как оно находится рядом с жилыми домами. 30 ноября 1956 г. Леноблисполком, обсудив вопрос, решил отклонить и это прошение гатчинских поморцев [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 43. Л. 51–65].

25 апреля 1957 г. старообрядцы Гатчины и окрестностей (980 человек) отправили Н. М. Васильеву заявление о разрешении строительства молитвенного дома на приобретенном участке по Пролетарской ул., 55. Не изменив своей непримиримой позиции, горисполком 7 июня 1957 г. принял постановление об отклонении ходатайства «ввиду того, что открытием старообрядческой церкви заинтересована минимальная часть населения города». Не смирившись с отказом, поморцы Гатчины 7 апреля 1958 г. написали ходатайство Н. С. Хрущеву, а 9 августа — К. Е. Ворошилову. Не устоявший перед таким напором верующих Н. М. Васильев, вопреки постановлению горисполкома, 27 июня написал справку о старообрядцах Гатчины с рекомендацией разрешить строительство молитвенного дома на Пролетарской ул., так как они молятся на частных квартирах. В этой ситуации в июле 1958 г. был подготовлен и проект решения Леноблисполкома о передаче старообрядцам полуразрушенного здания церкви Всех святых на кладбище Гатчины. Однако через несколько недель ситуация кардинально изменилась, начались широкомасштабные антирелигиозные гонения, и ни о какой регистрации новой общины не могло быть и речи. В конце концов Леноблисполком 24 апреля 1959 г. принял решение об отклонении ходатайства о строительстве молитвенного дома на Пролетарской ул. [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 43. Л. 71–74, 78–79, 82–83, 86–96].

В разгар гонений, 3 января 1962 г., старообрядцы Гатчины подали еще одно ходатайство Н. С. Хрущеву об открытии их молитвенного дома, но это уже ничего не могло изменить. В отчете Н. М. Васильева о проведении учета религиозных объединений в Ленинграде и области от 15 марта 1962 г. лишь содержались сведения о существовании в Гатчине группы поморцев, которые молятся на частных квартирах и с 1946 г. до недавнего времени безрезультатно подавали ходатайства об открытии молитвенного дома [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 2. Д. 23. Л. 4; Оп. 3. Д. 43. Л. 101–105]. Гатчинская община так узаконена и не была, но продолжала еще некоторое время свое существование на нелегальном положении.

В Ленинграде к 1941 г. не осталось ни одного старообрядческого храма или моленной. Однако в период войны и блокады службы продолжали совершаться на квартирах верующих, в основном в центральной части города. В частности, богослужения совершались у О. К. Князевой на ул. Некрасова, 44, кв. 14, до тех пор, пока советские органы власти это не обнаружили. Хозяйку квартиры временно арестовали, а при освобождении с нее взяли подписку о прекращении служб. Верующие молились также в частном доме на Охте.

В послевоенные годы старообрядцы-поморцы получили легальный статус. Первым их соборным заседанием после многолетнего перерыва было состоявшееся 23 июня 1948 г. в Верхокамье собрание шести территориальных обществ, принявшее «Воззвание дорогим нашим по вере братьям святой Христовой Церкви» [Рукописи Верхокамья, 1994, 243–245]. При этом до конца 1980-х гг. в РСФСР не существовало единой организации поморцев.

В последние месяцы войны и вскоре после ее окончания группа переживших блокаду ленинградских беспоповцев также начала хлопоты по регистрации общины. Особенно активное участие приняли Кузьма Максимович Горелов, Ольга Кондратьевна Князева и Михаил Богданович Богданов. Уже 1 января 1945 г. они от имени 20 тыс. старообрядцев города подали советским властям заявление о разрешении открыть молитвенный дом, указав несколько возможных адресов. На Пасху 1945 г. в квартире

у О. К. Князевой на ул. Некрасова собралось около 1000 верующих, которые заняли лестницу и часть двора, но власти этому уже не препятствовали [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 5. Л. 2].

Старообрядцы, прежде всего, просили вернуть здание Знаменского храма на Тверской ул., однако из-за его близости к Смольному и использования Авторемонтным заводом им отказали. В записке Ленинградского уполномоченного Совета по делам религиозных культов Н. М. Васильева от 2 января 1946 г. говорилось о поступлении 26 ноября 1945 г. ходатайства об открытии Знаменского храма от группы поморцев и отклонении его 26 декабря, так как здание занято предприятием [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 2. Л. 14].

В информационном отчете за II квартал 1946 г., явно занижая численность старообрядцев, Н. М. Васильев писал, что в Ленинграде существует пять групп беспоповцев разных согласий, в каждой из которых состоит 15–30 человек [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 3. Л. 14].

В начале 1946 г. советские власти согласились зарегистрировать в Ленинграде старообрядческую поморскую общину. В справке Н. М. Васильева от 9 января говорилось об использовании просимого верующими в заявлении от 26 сентября 1945 г. молитвенного зала в здании на Коломенской ул., 10а (в дальнейшем 12), где до июля 1936 г. была филипповская моленная, под столярные и слесарные мастерские, а 10 января уполномоченный в своем заключении указал на возможность удовлетворения ходатайства старообрядцев [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 44. Л. 7–8].

12 февраля 1946 г. Н. М. Васильев переслал в Совет по делам религиозных культов заявление верующих и 12 апреля дополнительно написал о целесообразности открытия моленной на Коломенской ул., так как в Ленинграде около 10 тыс. старообрядцев, которые собираются по квартирам, а в группе, подавшей ходатайство, состоит 500–800 человек [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 5. Л. 2].

2 апреля верующие подписали обязательство взять на себя ремонт помещения моленной Владимирской Пресвятой Богородицы. В информационном докладе за I квартал 1946 г. Н. М. Васильев отмечал движение ходатайства об открытии моленной на Коломенской ул. по инстанциям и возникшие сложности с подбором наставника. Первоначально верующие обратились с предложением занять этот пост к Евтихию Бывалову, но тот отказался, заявив: «Сие дело свободного вероисповедания мера временная, а дальше будет опять преследование, поэтому лучше молиться всем так, как молились, собираясь группами, и себя не выявлять» [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 3. Л. 4].

25 мая 1946 г. Совет по делам религиозных культов сообщил Н. М. Васильеву о разрешении открыть молитвенный дом старообрядцев поморского согласия согласно решению самого Совета от 15 мая, утвержденному распоряжением Совета Министров СССР от 21 мая [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 44. Л. 14]. 26 июня уполномоченный указал председателю райисполкома о необходимости передачи верующим молитвенного зала в течение семи дней, что вскоре и произошло. Общине выделили два этажа во флигеле дома на Коломенской ул., при этом большая часть здания осталась занятой квартирами жильцов. Все иконы для возрожденной моленной Владимирской Пресвятой Богородицы были пожертвованы верующими. Главный деисус и ряд других крупных икон привез из Костромской области М. П. Прокофьев, часть икон поступила из моленной деревни Карельское Пестово Новгородской области. Возникшая в ноябре 1945 г. поморская община, первоначально состоявшая примерно из 1000 человек, была официально зарегистрирована 7 июля 1946 г., а 15 октября с ней был подписан договор о передаче части здания на Коломенской ул. в аренду [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 44. Л. 23–25].

19 декабря 1946 г. состоялось первое общее собрание верующих, на котором выбрали членов исполнительного органа (двадцатки), и в тот же день они избрали председателем правления Михаила Богдановича Богданова, секретарем Кузьму Максимовича Горелова и казначеем Ольгу Кондратьевну Князеву. 2 января 1947 г. Высший старообрядческий совет Литовской ССР направил Ленинградскому уполномоченному

Совета по делам религиозных культов Н. М. Васильеву письмо с просьбой зарегистрировать поморскую общину в Ленинграде, хотя это уже давно было сделано. Первоначально Владимирская община выбрала своим наставником Макария Аристарховича Елифанова, проживавшего в д. Крупеница Литовской ССР. 3 января двадцатка передала Н. М. Васильеву ходатайство о его регистрации, но получила отказ, так как, по мнению уполномоченного, М. А. Елифанов «хотел за счет средств ленинградских старообрядцев поддержать Литовский центр старообрядцев» [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 49. Л. 76].

Тогда на втором общем собрании 16 февраля 1947 г. верующие выбрали наставником бывшего причетника Знаменского храма на Тверской ул. Амбросия (Абросима) Акимовича Толстова, в 1930-е гг. трудившегося рабочим на Кировском заводе, в 1941–1945 гг. служившего в Красной армии, а затем работавшего мастером в сапожной артели. Его кандидатура не вызвала возражений уполномоченного, и 28 февраля А. А. Толстов был зарегистрирован, в марте ему выдали паспорт [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 44. Л. 36–37; Д. 49. Л. 128]. Он был опытным служителем, хорошо знал службу, пение и за 23 года настоятельства довольно умело примирял представителей разных толков.

Хотя моленная на Коломенской ул. была передана старообрядцам поморского согласия, здесь молились все беспоповцы Ленинграда: поморцы, федосеевцы и филипповцы. Порой это приводило к конфликтам. Так, в декабре 1946 г. к уполномоченному пришли представители филипповцев — Григорий Иванович Иванов (бывший председатель двадцатки Владимирского храма) и Петр Федорович Чусов, и выразили желание взять на себя управление моленной на Коломенской ул., так как филипповцы якобы преобладают в общине, но получили категорический отказ [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 3. Л. 60].

Головщиками стали У. Г. Григорьева и Е. И. Маркова. Так как большинство певчих хора ранее состояло прихожанами федосеевской моленной на Волковом кладбище, был принят обычай богослужения этого храма [Шамарин, 1997, 54–61]. Следует упомянуть, что через три года после окончания войны большая группа федосеевцев (свыше 200 человек) ходатайствовала о возвращении этой моленной, но получила отказ. В заключении Ленинградского уполномоченного Н. М. Васильева о необходимости отказать в открытии моленной на наб. Волковки, 3, от 15 июня 1948 г. говорилось, что основная часть здания занята покойницей детской больницы, а в другой части проживают жильцы. На основе этого заключения Ленгорисполком 12 августа 1948 г. принял решение отклонить ходатайство старообрядцев-федосеевцев об открытии моленной в здании на наб. Волковки [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 650. Л. 11–13].

6 марта 1947 г. Владимирская община написала заявление в Музей истории религии о передаче ей хранящихся там старообрядческих икон, книг и церковной утвари, но ответа не последовало. Тогда Н. М. Васильев в письме от 4 апреля лично попросил директора Музея истории религии В. Д. Бонч-Бруевича (бывшего управляющего делами Совнаркома) о передаче старообрядцам икон и церковной утвари. Однако в ответном письме уполномоченному от 17 апреля содержался фактический отказ: «я здесь в Москве никогда ни от кого не получал распоряжения о том, чтобы выдавать те предметы культа, которые собраны были за восемнадцать лет существования в антирелигиозные музеи. По правилам, существующим в Академии наук, мы ничего не можем выдавать из наших фондов без особого решения Президиума Академии наук, которое должно быть к нам доставлено за подписью самого президента. Для того, чтобы войти с ходатайством в Президиум о выдаче тех или иных предметов, необходимо, чтобы те лица, которые желают из музея получить эти предметы, написали заявление с точным указанием, что именно они хотят получить и почему именно, принадлежали ли им эти предметы раньше, или нет, на какой предмет они их требуют, и прочие тому подобные выходные данные. Только получив такие точные сведения, причем проситель должен указать твердые основания для такого ходатайства, только тогда я в состоянии буду рассмотреть это заявление и, если найду его нужным и целесообразным, не нарушающим общую экспозицию и фонды нашего Музея истории

религии, я тотчас же войду с ходатайством в Президиум Академии наук. Когда этот вопрос будет в Президиуме решен так или иначе, тогда я тотчас же сообщу Вам, так и тем, кто просит, и если решение будет положительное, т. е. если Президиум решит удовлетворить просьбу, то выполнение этого решения будет незамедлительным. Так как Вы, вероятно, член партии, впрочем, в этом нет никакого секрета, я должен Вам сообщить, что кроме решения Президиума Академии наук, при всякой такой выдаче требуется подтверждение этой выдачи соответствующим отделом ЦК ВКП(б), куда я в таких случаях обращаюсь. Нарушить такой порядок, конечно, ни для кого и никогда я не могу» [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 46. Л. 2, 7, 10–10 об.].

Большим успехом увенчалось ходатайство общины о выдаче строительных материалов на 1948 г., поддержанное письмом Н. М. Васильева в плановый отдел Ленгорисполкома от 6 декабря 1947 г. После завершения ремонтных работ службы в моленной стали проводиться регулярно, привлекая все больше верующих, и вскоре она перестала вмещать всех желающих. Уже 22 октября 1948 г. община подала заявление в Ленгорисполком о предоставлении ей здания закрытой Греческой церкви вместо помещения моленной, так как оно слишком мало, но успеха не добились [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 46. Л. 63].

20 августа 1949 г. председателю Ленгорисполкома поступило письмо советского офицера — сына наставника А. А. Толстова, о его желании, чтобы отец оставил службу в моленной. На Амбросия Акимовича стали оказывать давление, и ему пришлось писать объяснительную записку уполномоченному о своем желании остаться в общине. 20 октября 1949 г. новым председателем правления был избран Фома Федорович Зябкин, занимавший этот пост около шести лет. Постепенно увеличивалось налоговое бремя, и 25 июня 1954 г. Высший старообрядческий совет Литовской ССР даже отправил Н. М. Васильеву письмо с просьбой снизить непосильный налог А. А. Толстова. 17 мая 1955 г. в общине был зарегистрирован второй наставник — Семен Илларионович Меркушев, а 8 июля 1956 г. выбран новый председатель правления — Степан Герасимович Евсеев [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 2. Д. 13. Л. 5; Оп. 3. Д. 44. Л. 190–191, 207–209].

Пребывание Владимирской моленной в жилом доме создавало серьезные неудобства жильцам, так как на большие праздники прихожане, не поместившиеся в храме, занимали общую лестницу, а иногда и весь двор. Для решения этой проблемы община приобрела несколько частных домов для переселения из флигеля жильцов, но из-за противодействия советских властей оно не состоялось. Согласно докладной записке Ленинградского уполномоченного Совета по делам религиозных культов о праздновании Пасхи у старообрядцев в 1956–1960 гг., количество поморцев, принимавших участие в празднике, за пять лет выросло с 2500 до 5000 человек [Шаров, 2005, 45].

22 октября 1955 г. в Ленгорисполком поступила первая жалоба жильцов дома на деятельность моленной. Верующие тоже испытывали все большие неудобства от конфликтов с жильцами. 8 мая и 10 октября 1956 г. исполнительный орган общины подавал заявления Н. М. Васильеву о передаче ей невозвращенных помещений молитвенного дома на Коломенской ул., но получал отказ. 7 июня 1957 г. община написала уполномоченному еще одно заявление — о предоставлении ей здания закрытой церкви на Воронежской ул., 110, вместо помещения моленной, ввиду неудобства ее соседства с жилыми квартирами, однако опять безуспешно. Верующим мешали не только жильцы. 29 января 1958 г. община подала жалобу Н. М. Васильеву на организацию в подвале под моленной столярной мастерской, которая мешает богослужению. Благодаря письму уполномоченного в президиум Ленгорисполкома от 5 марта эту ситуацию временно удалось исправить [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 48. Л. 31; Д. 49. Л. 131, 134].

При этом деятельность Владимирской общины приобрела широкую известность. Так, в 1957 г. ее посетили управляющий делами Высшего старообрядческого совета Литовской ССР (помогавшего общине свечами и крестиками), наставник Рижской Гребенщиковской общины, наставник общины Елгавы, группа старообрядцев Казани

и два профессора из Кракова. В июле 1958 г. ленинградские старообрядцы пожертвовали в Комитет защиты мира 57 тыс. руб. [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 48. Л. 120, 140].

В это же время совет общины подал ходатайство о предоставлении ей здания закрытой православной Свято-Троицкой церкви в Озерках. В своей справке от 19 июля 1958 г. Н. М. Васильев написал о целесообразности предоставить Владимирской общине вместо моленной на Коломенской ул. здание Троицкой церкви. В январе 1959 г. уже был подготовлен проект решения Ленгорисполкома о передаче общине поморцев Троицкой церкви в Озерках [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 49. Л. 147–151]. Однако в тот период уже начинались антирелигиозные «хрущевские» гонения, и решение принято не было.

13 апреля 1959 г. жильцы дома подали городским властям новую жалобу на деятельность моленной, и в мае Ленгорисполком принял решение о ее закрытии без предоставления общине нового помещения. Уполномоченный выразил свое несогласие с подобным решением и 5 июня отправил письмо председателю Совета по делам религиозных культов А. А. Пузину, в котором отмечал, что на заседании Ленгорисполкома его председатель Н. М. Смирнов заявил: «никакого помещения предоставлять не будем, а нужно церковь старообрядцев закрыть, нечего разводить разных сектантов». Н. М. Васильев написал о необходимости подобрать здание общине после закрытия моленной, справедливо указывая: «Закрытие единственной старообрядческой церкви г. Ленинграда вызовет не нужное большое недовольство среди верующих старообрядцев и вынудит верующих собираться явочным порядком по частным квартирам» [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 49. Л. 153].

Рассмотрев ситуацию, Совет по делам религиозных культов 11 июля принял постановление о нецелесообразности закрытия молитвенного дома без предоставления общине другого помещения, так как она насчитывает более 3000 человек. Учтя эту позицию, Совет Министров РСФСР отказался утвердить решение Ленгорисполкома [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 49. Л. 109].

Однако городские власти не успокоились. 31 декабря 1959 г. в Ленгорисполком поступило отношение Управления пожарной охраны о необходимости закрытия моленной. 13 января 1960 г. о том же написал Фрунзенский райисполком. 19 января и Министерство внутренних дел отправило письмо в Совет по делам религиозных культов о необходимости закрытия моленной из-за пожарной безопасности. Был использован и испытанный метод нагнетания кампании травли в советской печати. 29 января в газете «Ленинградская правда» была опубликована клеветническая статья К. Курбатова о моленной «Бельмо на глазу». 8 февраля секретарь общины Фадеев отправил в редакцию газеты опровержение статьи, но оно напечатано не было [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 49. Л. 180, 189–194].

11 февраля 1960 г. Фрунзенский райисполком принял постановление о закрытии моленной, направив его на утверждение в Ленгорисполком. 23 февраля вопрос о молитвенном доме обсуждался на заседании бюро Ленинградского обкома КПСС, но общего решения выработать не удалось. 29 февраля Управление пожарной охраны сообщило Н. М. Васильеву и председателю Владимирской общины о принудительном закрытии с 15 марта помещения моленной. Ходатайство председателя общины о продлении срока использования моленной было отклонено. В этой сложной ситуации в общине проявились внутренние разногласия, в частности, на заседании исполнительного органа от 10 января 1960 г. отмечалось, что существует группа федосеевцев, желающая сменить правление и наставника [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 49. Л. 172, 187–188, 201–202].

6 марта руководство общины написало ходатайство в Совет по делам религиозных культов о передаче ей другого здания и сохранении моленной в пользовании до его предоставления. Еще до получения ответа, несмотря на доводы уполномоченного, Ленгорисполком 11 марта вынес решение о закрытии с 15 марта моленной на Коломенской ул., 12. 15 марта и Пожарная охрана Управления внутренних дел по Ленинграду приняла постановление о срочном закрытии моленной Владимирской

Пресвятой Богородицы. В этот же день она была опечатана [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1043. Л. 104; Д. 1093. Л. 323–324; Ф. 9620. Оп. 1. Д. 53. Л. 16; Оп. 3. Д. 49. Л. 209].

16 марта, 10 апреля община безрезультатно подавала ходатайства в президиум Ленгорисполкома о сохранении моленной в пользовании до предоставления другого помещения от имени 100 тыс. старообрядцев (что, впрочем, многократно превышало их реальную численность). В ответе от 6 апреля содержался категоричный отказ в продлении пользования моленной без предложения другого здания. Но верующие не сдавались, 21 апреля последовало их заявление в Совет Министров СССР, в котором отмечалось посещение храма зарубежными делегациями и жителями прибалтийских республик, так как в нем находятся иконы, картины и книги XV–XVI вв. [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 49. Л. 222–224].

29 апреля председатель общины С. Г. Евсеев и ее наставник А. А. Толстов написали Н. С. Хрущеву новое ходатайство, в котором говорилось: «Пожарная охрана города Ленинграда своим решением от 29-го февраля 1960 г. постановила без всякого предупреждения закрыть единственный в Ленинграде молитвенный дом старообрядческой общины, считая не безопасно в пожарном отношении. За 14 лет существования храма пожарной охраной города Ленинграда не было никакого ограничения и никакого предупреждения. После войны часть молитвенного зала отчуждена и превращена в жилые квартиры, последний оказался по одной лестнице с жилыми квартирами. Считая не совместимым молитвенное зало с жилыми квартирами, старообрядческая община не раз возбуждала ходатайство через уполномоченного по религиозным культам перед Ленгорисполкомом о выселении жильцов с церковного здания или же о замене помещения, ответа не последовало.

После оповещения пожарной охраной города Ленинграда с решением о закрытии храма общиной подано ходатайство в Ленгорисполком, в Совет по религиозным культам при Министерстве о замене помещения, на сего дня ответа нет. Стотысячное количество прихожан молящихся обеспокоены, считают закрытие молитвенного храма без предварительного предупреждения и без замены помещения неправильным. Ленинградская старообрядческая община обращается к Вам, Никита Сергеевич, с просьбой помочь нам Ленинградским старообрядцам в предоставлении помещения церкви или иного помещения под молитвенный храм взамен закрываемого» [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 48. Л. 217].

4 мая С. Г. Евсеев и А. А. Толстов отправили срочную телеграмму Н. С. Хрущеву с просьбой помочь в выделении общине нового здания. Однако главную роль сыграли не эти ходатайства, а твердая позиция уполномоченного. Отчаявшись переубедить руководство Ленгорисполкома, он 7 апреля отправил подробную докладную записку первому секретарю Ленинградского обкома КПСС И. В. Спиридонову о нецелесообразности закрытия моленной на Коломенской ул., 12, без предоставления общине нового помещения, предлагая передать верующим здание бывшей православной Казанской церкви на Школьной ул., 18, в Рыбацком. Н. М. Васильев отмечал, что за 1959 г. в моленной прошли исповедь 50 тыс. старообрядцев различных толков и согласий, и после закрытия они все перейдут на нелегальное положение. Похожую докладную записку уполномоченный 8 апреля послал председателю Совета по делам религиозных культов А. А. Пузину [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 53. Л. 7–14, 19–27].

11 мая А. А. Пузин написал уполномоченному, что с учетом его докладной записки Совету Министров РСФСР сообщено о необходимости передать общине другое здание, так как в ней состоит более 50 тыс. верующих (эта цифра также существенно превышала число ленинградских старообрядцев). В результате Совет Министров дал согласие на закрытие моленной при условии обязательного предоставления другого здания, и городскому руководству пришлось уступить. 7 июня Ленгорисполком принял решение «О передаче помещения бывшей Казанской церкви религиозному обществу старообрядцев-беспоповцев поморского брачного согласия», в том числе об освобождении верующими моленной на Коломенской ул., 12, до 25 июня 1960 г. и использовании ее помещения райисполкомом под организацию детского сада на 50

мест [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1054. Л. 45–46; Д. 1376. Л. 163–228; Ф. 9620. Оп. 3. Д. 49. Л. 118–120; Кожурин, 2007, 262, 265].

Следует упомянуть, что городские власти предложили общине несколько обветшавших или полуразрушенных зданий за чертой города и на дальних окраинах. В конце концов прихожане, которых тогда в действительности было около пяти тысяч, согласились принять сохранившуюся часть православной церкви на Казанском кладбище в Рыбацком, на Школьной ул., 18. Она была закрыта еще в апреле 1940 г., основной деревянный объем храма разобрали, а в каменной части здания (уцелели лишь колокольня и притвор) размещался склад бумаги артели «Нева» [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 11. Д. 434. Л. 48–60]. 7 июня Ленгорисполком указал в недельный срок освободить здание от склада и обязал исполнительный орган общины провести капитальный ремонт помещения.

В середине июня 1960 г. община со всем имуществом переехала в Рыбацкое (оно стало районом Ленинграда только в 1963 г.), принятое здание было именовано моленной и освящено во имя Знамения Пресвятой Богородицы (по имени утраченного поморского храма на Тверской ул.). Далеко не все верующие оказались довольны выделенным помещением. Часть членов общины обратилась 29 июня к городским властям с просьбой выделить ей другое помещение вместо слишком маленького здания на Школьной ул., отметив: «Ленгорисполком 7/VI вызвал председателя и казначея общины и в ультимативном порядке вынудил подписать соглашение на кладбищенскую церковь в с. Рыбацкое, против которого мы возражаем, так как здание церковки в очень ветхом состоянии, по площади в два раза, по кубатуре в четыре раза меньше существующего, с малой высотой, которая не позволит подвесить паникадило, передняя часть настолько мала, что не сможет вместить и половины иконостаса, нет места для клиросов и нет никаких вспомогательных помещений». Понимая, что ничего лучше власти не дадут, исполнительный орган общины 16 июля обратился в Ленгорисполком с просьбой не рассматривать жалобы верующих, так как члены правления претензий не имеют [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 49. Л. 242–244, 255].

После проведенного вскоре ремонта в моленной возобновились богослужения. 22 декабря 1960 г. с Невским райисполкомом был заключен договор о передаче здания храма в пользование общине [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 49. Л. 122, 124–125]. Новое помещение имело такие малые размеры, что сразу же встал вопрос о пристройке. С. Г. Евсеев добился разрешения районной власти, и была сооружена небольшая пристройка на месте снесенной деревянной части здания церкви. 13 февраля 1961 г. руководство общины обратилось к Н. М. Васильеву с заявлением о разрешении изготовления 840 крупных свечей для паникадила и иконостаса. Однако городские власти объявили новую постройку незаконной, началась серия проверок, и одновременно была организована пропагандистская кампания. В газете «Вечерний Ленинград» появилась серия статей под общим названием «Не корысти ради» с клеветой на общину и ее председателя. 8 марта 1961 г. вышло решение Ленгорисполкома о сносе возведенной пристройки [ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 41. Д. 33]. По возбужденному делу председатель общины С. Г. Евсеев и районный архитектор были осуждены и приговорены к заключению, а пристройка снесена.

18 августа 1961 г. Архитектурно-планировочное управление Ленгорисполкома написало Н. М. Васильеву и о запрете хозяйственных строений на территории храма по архитектурно-планировочным соображениям. Несмотря на этот запрет, руководство общины 16 мая 1962 г. обратилось к уполномоченному с просьбой о разрешении строительства здания кладовой церковного имущества, но снова получило отказ [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 50. Л. 81, 89].

Несмотря на антирелигиозные гонения, на большие праздники прихожане, не вмещавшиеся в моленную, слушали службу под окнами, а на Пасху были вынуждены собираться по домам или ездить за город в храм д. Лампово. Там имелся хороший хор, в котором в 1961 г. состояло 10 человек. Согласно официальному отчету

только за январь-март 1962 г. в храме деревни были совершены 21 погребение, 1 крещение и 389 исповедей. Председателем Никольской общины был сменивший в середине 1950-х гг. В. А. Евстигнеева Никифор Васильевич Булычев. 8 марта 1965 г. скончался наставник Дмитрий Прокофьевич Трофимов, и председатель общины 16 марта обратился к уполномоченному Н. М. Васильеву с заявлением о прописке в Лампово наставника Макария Епифанова из Пскова, но получил отказ. Такая же резолюция последовала и на заявлении от 28 марта о регистрации наставника Михаила Ивановича Богданова [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 45. Л. 111–142].

10 мая и 27 июня 1965 г. Н. В. Булычев дважды писал уполномоченному о регистрации наставника Марка Евдокимовича Зубова, ранее служившего в Пскове, но с 1958 г. проживавшего недалеко от Лампово в пос. Вырица. Н. М. Васильев написал запрос Псковскому уполномоченному Совету по делам религиозных культов о биографии М. Е. Зубова, и тот в справке от 11 августа резко негативно охарактеризовал его: «За время нахождения в Псковской области был известен как активный старообрядческий организатор с реакционными, антисоветскими взглядами. Неоднократно предупреждался за незаконную деятельность (систематическое посещение незарегистрированных групп и организацию богомолений в частных домах)» [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 3. Д. 45. Л. 148].

В результате Н. М. Васильев отказал в регистрации, но М. Е. Зубов фактически исполнял обязанности наставника с мая 1965 по апрель 1966 г., о чем свидетельствуют его отчеты уполномоченному о количестве совершенных в этот период треб. В дальнейшем наставниками в Лампово служили: в 1966–1973 гг. — Михаил Иванович Богданов, в 1973–1978 гг. — Марк Евдокимович Зубов, а с декабря 1978 по 1983 гг. — Анатолий Федорович Степанов. Число прихожан ламповского храма постепенно сокращалось, к середине 1980-х гг. оно не превышало 70 человек, штатного наставника уже не было, и основную «религиозную работу» вел местный житель П. О. Савин [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 206. Д. 27. Л. 17].

В отчете Ленинградского уполномоченного Совета по делам религий Г. С. Жаринова за 1984 г. отмечалось, что деятельность общины в Лампово «затухает», ее численность составляет 60–70 человек, и с 1983 г. отсутствует наставник. В аналогичном отчете за 1985 г. Г. С. Жаринов вообще оценил численность прихожан в 30–40 человек. При этом доходы общины оставались стабильными: в 1983 г. — 4956 руб., а в 1985 г. — 4962 руб. [ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 40. Л. 31; Д. 42. Л. 26; Оп. 3. Д. 3. Л. 40, 63]. По данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов, на 1 января 1962 г. в Ленинграде и области имелось две зарегистрированные общины и три незарегистрированные группы поморцев [ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 2. Д. 23. Л. 10].

Продолжали действовать и нелегальные федосеевские моленные в местах проживания тихвинских карел. В некоторых районах области сохранялись старообрядческие кладбища. До 1960-х гг., а в ряде мест и до 1980-х гг., на них не хоронили «мирских». В деревнях, где имелось старообрядческое население, отпевание и обряд крещения «в бочках» или в водоемах проводили вплоть до 1990-х гг. — до тех пор, пока были живы последние совершавшие требы «знающие» женщины. В 1960–1970-е гг. многие староверки еще довольно жестко относились к православным, браки с «мирскими» не одобрялись [Королькова, 2014, 279].

В одном из важнейших центров федосеевцев — д. Лавния Волховского района — ввиду отсутствия моленной требы совершались в домах старообрядцев. Так, после окончания Великой Отечественной войны службу в своем доме вела «баба Степанида», после нее стала служить наставница Маремьяна Михеевна Абрамова. До 1980-х гг. в Лавнии были случаи перекрещивания взрослых. В частности, если невеста была крещена в старую веру, то ей разрешали выходить замуж только при условии, если мирской жених будет перекрещен по старообрядческому обряду. После смерти в 1994 г. последней наставницы еще остававшиеся в Лавнии староверы стали ориентироваться на Невскую поморскую общину [Цыпкин, 1997, 143; Королькова, 2011, 300–301].

Для представителей этого согласия в городе на Неве, как и для всех поморцев Севера России, в отличие от московско-поволжских общин, были характерны большой аскетизм, строгость устава, эсхатологические настроения и большой антиэтатизм, а нередко и социальный эскапизм. В аналитических отчетах Ленинградского уполномоченного Совета по делам религий Г. С. Жаринова во второй половине 1960-х — 1970-х гг. говорилось, что в городе и области скрытно собираются старожильцы беспоповцы Поморского брачного согласия. В отчете за 1966 г. он отмечал, что значительное количество старообрядцев, проживающее в Волховском, Выборгском, Бокситогорском, Гатчинском, Лодейнопольском, Подпорожском и Тихвинском районах, совершают неучтенное количество обрядов в домах и квартирах верующих. Так, настоятель православной церкви с. Сомино Бокситогорского района в докладе митрополиту отмечал: «В приходе имеется много староверов-беспоповцев. Отношение их к Православной Церкви враждебное. Совершают требы старухи: крестят детей, отпевают усопших, совершают таинство причастия...» [ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 4. Л. 30].

Председателем Знаменской общины с 1962 по 1970 гг. был Г. Е. Иванов, затем до 1982 г. П. П. Матвеев, а в 1982–1985 гг. А. М. Епифанов. В 1970 г. умер наставник А. А. Толстов, благословив на пост настоятеля Стефана Григорьевича Тимофеева. В 1975 г., служа совместно с о. Михаилом Богдановым, о. Стефан настоял на благословении третьим наставником молодого прихожанина Олега Ивановича Розанова, чтобы иметь уверенность в завтрашнем дне общины.

Согласно аналитическому отчету Г. С. Жаринова за 1967 г., в Знаменской и Ламповской общинах вместе состояло около 7 тыс. верующих, число совершаемых треб и количество доходов в середине 1960-х гг. в целом оставалось стабильным: в 1964 г. было совершено 105 крещений, 117 погребений и 466 панихид, в 1967 г. — соответственно 83, 146 и 339. Доходы в 1964 г. составили 18844 руб., а в 1967 г. — 20884 (сборы за Пасху равнялись 1 тыс. руб.). При этом уполномоченный с удовлетворением отмечал, что он отклонил ходатайства общины в Рыбацком о расширении существующего молитвенного дома или замене его более удобным зданием в центре города [ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 6. Л. 29–30].

В последующие годы количество совершенных треб постепенно сокращалось. Так, в 1975 г. ленинградские старообрядцы совершили 57 крещений и 144 погребения, в 1980 г. — 44 и 126, а в 1985 г. — 27 и 91. При этом в дни Великого поста 1984 г. исповедовалось 2500 человек, а доходы Знаменской общины существенно выросли по сравнению с концом 1960-х гг. Так, в 1983 г. они составили 34,43 тыс. руб. (из них в Фонд мира внесли 3200), в 1984 г. — 35,5 тыс. (в Фонд мира перечислили 4200), в 1985 г. — 31,95 тыс. (в Фонд мира перечислили 4000) [ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 42. Л. 9, 25; Оп. 3. Д. 3. Л. 5, 39, 64].

В эти годы постоянно возникал вопрос о необходимости расширения площади Знаменского храма. Многочисленные обращения к властям не возымели действия. С 1982 г. А. М. Епифанов в течение своего срока председательства предпринял ряд активных шагов. Рассматривалась возможность переезда общины в другое помещение, была пробита стена и сделаны хоры, что несколько увеличило площадь молельной. Не имея разрешения на пристройку, председатели общины вели накопление необходимых средств, и, благодаря этому, к середине 1980-х гг. было накоплено более 150 тыс. руб. В 1985 г. уполномоченный Г. С. Жаринов впервые по просьбе верующих возбудил ходатайство перед Ленгорисполкомом о разрешении пристройки к зданию храма на ранее существовавшем фундаменте, но до разрешения вопроса оставалось еще два года. Численность прихожан в это время, по официальным данным, составляла около 1000 человек [ЦГА СПб. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 42. Л. 25; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 206. Д. 27. Л. 17].

В 1985 г. председателем правления общины стал Илларион Михайлович Петров, а с 1986 г., после смерти о. Стефана Тимофеева, настоятелем служил о. Олег Розанов. В 1987 г., в преддверии 1000-летия Крещения Руси, община наконец получила разрешение на возведение на месте снесенной деревянной части Казанской церкви нового церковного здания. Оно проектировалось по эскизам о. Олега Розанова и было

построено в едином стиле с колокольной и притвором, которые отреставрировали. 14 августа 1988 г. состоялась первая служба в обновленном, увенчанном большим куполом здании. После реконструкции храм получил статус памятника архитектуры. В том же году община приняла официальное название Невской старообрядческой поморской [Антонов, Кобак, 2010, 380–381; Обуховский вестник. 1992. № 32].

В 1989 г. представители этого согласия стали официально называться Древлеправославной Поморской Церковью (ДПЦ) и создали в РСФСР свою единую организацию. На учредительном съезде в Москве 21–22 ноября 1989 г. был образован Российский совет ДПЦ, являющийся преемником упраздненных в 1930 г. Совета всероссийских соборов и съездов поморцев и их Высшего духовного совета.

С конца 1980-х гг. численность прихожан Невской общины начала заметно расти. При поддержке Российского совета ее правление в 1990-е гг. построило большое здание духовно-благотворительного центра «Невская обитель», которое также проектировалось по эскизам о. Олега Розанова. В здании разместились: внутренняя молельная Знаменая Пресвятой Богородицы, трапезная, крестильня, келья для служения треб, оранжерея, три мастерские: столярная, переплетная и свечная, воскресная школа, курсы по подготовке церковных служащих, книжница, архив, издательство газеты и церковного календаря. В центре также проводятся ежегодные слеты молодежи. С 1999 г. службы в Знаменском храме совершает наставник Владимир Викторович Шамарин, занявший пост настоятеля (старшего наставника) Невской общины с 4 февраля 2018 г., после смерти о. Олега Розанова. Председателем совета общины до 2017 г. являлся И. М. Петров, которого сменил А. К. Анащенко. В 2003 г. был проведен косметический ремонт помещения храма. В мае 2006 г., впервые с 1912 г., в центре «Невская обитель» прошел III Всероссийский Собор Древлеправославной Поморской Церкви.

Санкт-Петербург во многом стал главным центром этой Церкви. Со времени создания Российского совета в 1989 г. и до своей кончины 6 декабря 2017 г. его возглавлял о. Олег Иванович Розанов. Он же в 2001–2017 гг. был председателем созданного в июне 2001 г. в Санкт-Петербурге координационного органа — Единого совета Древлеправославной Поморской Церкви, объединяющего духовные центры и отдельные общины старообрядцев-поморцев на территории различных стран мира. 23 января 2018 г. председателем Российского совета был избран старший наставник Невской общины Владимир Викторович Шамарин.

В 1994 г. старообрядцам поморского согласия вернули здание на Коломенской ул., 12, где была воссоздана Владимирская молельная. Она закрыта для посторонних и в настоящее время имеет небольшой приход, не превышающий 50 человек. Но главной проблемой являлось возрождение храма Знаменая Пресвятой Богородицы на Тверской ул., 8. В годы Великой Отечественной войны на территории храма располагалась воинская часть, и он пострадал от немецких бомбардировок. В дальнейшем здание было приспособлено под промышленное предприятие — завод «Автоарматура», который находился там до начала 1990-х гг. В этот период интерьеры были существенно перестроены: основная часть храма разделена на три этажа, разбиты сводчатые потолки и кровля северного фасада, добавлены лифтовая шахта и лестница, прорублены окна в восточной стене. Жилому дому при храме угрожало уничтожение: в сентябре-декабре 1980 г. Ленгорисполком издал несколько распоряжений о предоставлении жилплощади гражданам из расселяемого дома № 8 по ул. Тверской в связи с его сносом и строительством нового здания ГСПИ «Союзпроектверфь» [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 53. Д. 287. Л. 212; Д. 296. Л. 264; Д. 309. Л. 41].

Однако, к счастью, уничтожения дома не произошло. В начале 1990-х гг. здание храма передали группе «Дизайн-стиль», занимавшейся проектированием, тюнингом и созданием автомобилей. Решением Малого совета Петербургского горсовета от 7 сентября 1993 г. Знаменский храм со звонницей, жилым домом, оградой и садом был объявлен памятником истории и культуры [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 64. Д. 664. Л. 115], в 1999 г. он получил статус памятника архитектуры федерального значения.

Только в 2005 г. Знаменский храм возвратили Невской поморской общине, в 2006–2008 гг. была проведена его реставрация по проекту старообрядца, председателя Союза архитекторов Дмитрия Александровича Бутырина. Восстановительными работами занялась строительная компания ООО «Пассим», средства на их проведение собрали сами верующие. 10 декабря 2007 г. состоялось открытие храма. С этого времени его старшим наставником (настоятелем) до кончины 6 декабря 2017 г. служил о. Олег Иванович Розанов, его сменил о. Иларион Михайлович Петров. В мае 2012 г. в Знаменском храме состоялись IV Всероссийский Собор и Единый Собор Древлеправославной Поморской Церкви, в работе которого приняли участие все поместные объединения различных государств. В настоящее время Невская старообрядческая поморская община является единой общиной с тремя приходами в Санкт-Петербурге: в Рыбацком, при храмах на Коломенской и Тверской улицах.

Непростую историю после распада СССР пережила община Никольского храма в д. Лампово. 24 ноября 1991 г. был принят устав общины, ее наставником в последующее десятилетие был Ефим Григорьевич Григорьев, но в конце 1990-х гг. религиозная жизнь в Лампово почти прервалась. Пожилые прихожане умирали, а нового пополнения из числа жителей деревни почти не было. В 2000 г. руководство общины решило не проходить перерегистрацию в Министерстве юстиции, и ее сняли с официальной регистрации, но храм по договоренности с местной администрацией оставался действующим.

В 2011 г. председателем общины стал старообрядец-энтузиаст из Санкт-Петербурга Вячеслав Петрович Михович. Он заинтересовался древней Лампово, выяснил статус храма и участка земли при нем. Многие документы оказались утрачены, но их удалось восстановить, и община была вновь зарегистрирована в 2015 г. В следующем году восстановили дом настоятеля вблизи храма. При этом обязанности наставника до 2017 г. исполнял Иван Леонтьевич Ковалев. В марте 2019 г. полномочия председателя и старшего служителя от Вячеслава Миховича перешли к петербуржцу Денису Сергеевичу Ермолину, который купил дом в Лампово. В настоящее время община насчитывает около 50 человек. Это место, известное деревянной резьбой, ныне посещают старообрядцы из разных мест, например из Пушкина и Гатчины, что в целом нехарактерно для современной старообрядческой жизни Ленинградской области. Службы в Никольском храме по благословию настоятеля Санкт-Петербургской Невской поморской общины ведут Денис Ермолин и чернец (монах) Василий. В 2019–2020 гг. проводились частичные противоаварийные работы в храме. В Лампово также сохранилось старообрядческое кладбище с часовней. Был освящен источник с питьевой водой.

По данным Министерства юстиции, на 1 мая 2012 г. на территории России зарегистрировано 50 религиозных организаций Древлеправославной Поморской Церкви, кроме того, без регистрации действовало еще более 200 общин и групп. За пределами России также имелось около 250 общин. В настоящее время существует семь поместных объединений в различных странах. Общая численность поморцев в начале XXI в. составляла около 400 тыс., в том числе в Российской Федерации — около 150 тыс. [Агеева, 2012, 135–144]. На 2020 г. Древлеправославная Поморская Церковь имела в России и за рубежом 210 действующих храмов и моленных, в том числе четыре в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Представители федосеевского согласия сейчас проживают в основном на территории Бокситогорского и Тихвинского районов Ленинградской области — в пос. Климове и 13 близлежащих деревнях. В основном это тихвинские карелы и так называемые озера (по названию оз. Озерского), поддерживающие друг с другом только эпизодические контакты. Некоторые карелы-федосеевцы живут и в г. Пикалево. В этих местах действующих моленных не сохранилось, но имеются посещаемые как старообрядцами, так и православными часовни. Одна из них — деревянная часовня свв. Кирика и Иулитты XIX в., находится в д. Белый Бор Климовского сельского поселения Бокситогорского района. Беспоповцы также проживают в д. Мелехово

Киришского района, некоторых местах Волховского, Лодейнопольского и Лужского районов. Филипповцы на Северо-Западе России фактически исчезли. На территории области активно проводятся этнографические и археографические исследования; выявляются рукописные памятники первой четверти XVIII — середины XX вв. и старопечатные издания. В целом для последователей старообрядчества в Ленинградской области в настоящее время характерна большая разбросанность, малочисленность и изолированность [Цыпкин, 1993, 430–436; Фишман, 2003, 148–150; Агеева, Шкаровский, 2015, 429].

Таким образом, за вторую половину XX — начало XXI вв. старообрядцы на приневских и приладожских землях, несмотря на разнообразные препятствия, прошли определенный путь исторического развития. После полного закрытия моленных к 1941 г. их религиозная жизнь начала возрождаться в годы Великой Отечественной войны. Правда, в 1945–1980-е гг. в Ленинграде и области легально действовали только две моленные поморского согласия, которые посещали также федосеевцы и филипповцы. Стойкость старообрядцев позволила выстоять их общинам и во время антирелигиозных гонений 1958–1964 гг. При этом число прихожан постепенно сокращалось. Из всех конфессий СССР именно старообрядцы в конечном итоге понесли наиболее значительные потери в советский период. После распада СССР количество храмов и моленных Древлеправославной Поморской Церкви в Санкт-Петербурге и области выросло до четырех, однако численность членов общин остается небольшой — менее двух тысяч человек.

Источники и литература

1. Агеева (2012) — *Агеева Е. А.* Древлеправославная Поморская Церковь // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 16. С. 135–144.
2. Агеева, Шкаровский (2015) — *Агеева Е. А., Шкаровский М. В.* Старообрядцы / Ленинградской область // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 55. С. 428–429.
3. Антонов, Кобак (2010) — *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010.
4. Архив СПб епархии — Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 4. П. 11. Д. 3.
5. Ермолов (2001) — *Ермолов И. Г.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2001.
6. Карпов (1954) — *Карпов Д.* Партизанское движение в СССР 1941–1944 гг. Мюнхен, 1954.
7. Кожурин (2007) — *Кожурин К. Я.* Духовные учителя сокровенной Руси. СПб., 2007.
8. Королькова (2011) — *Королькова Л. В.* Старообрядческая деревня Лавния XIX–XX вв. (Волховский район Ленинградской области). Опыт историко-этнографического исследования // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 2011. Т. II. С. 297–298.
9. Королькова (2014) — *Королькова Л. В.* История старообрядчества Ленинградской области в XX в. // Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы XI Международной конференции, проходившей в Москве 11–13 ноября 2014 г. М., 2014. Т. I. С. 277–278.
10. Мартиролог (2017) — Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2017.
11. Обуховский вестник. 1992. № 32.
12. Одинцов (1995) — *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995.
13. Православная Русь. 1942. № 21–22.
14. Рукописи Верхокамья (1994) — Рукописи Верхокамья XV–XX вв. М., 1994.
15. Сяков (2001) — *Сяков Ю.* Судьба деревни Моршагино // Волховские огни. 2001. № 20 (131). С. 2.

16. Фишман (2003) — *Фишман О. М.* Жизнь по вере: тихвинские корелы — старообрядцы. М., 2003.
17. ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 206. Д. 27.
18. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2017. Оп. 2. Д. 4; Д. 6; Д. 40; Д. 42; Оп. 3. Д. 3; Ф. 7179. Оп. 10. Д. 1889; Д. 1904; Оп. 11. Д. 434; Д. 849; Оп. 41. Д. 33; Оп. 53. Д. 355; Д. 416; Ф. 7384. Оп. 25. Д. 650; Оп. 37. Д. 1043; Д. 1054; Д. 1093; Д. 1376; Оп. 53. Д. 287; Д. 296; Д. 309; Оп. 64. Д. 664; Ф. 9620. Оп. 1. Д. 2; Д. 3; Д. 4; Д. 5; Д. 53; Д. 100; Оп. 2. Д. 7; Д. 13; Д. 23; Оп. 3. Д. 43; Д. 44; Д. 45; Д. 46; Д. 48; Д. 49; Д. 50.
19. Цыпкин (1993) — *Цыпкин Д. О.* Археографическая работа в Ленинградской обл. в 1990 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 47. С. 430–436.
20. Цыпкин (1997) — *Цыпкин Д. О.* Старообрядчество на территории Санкт-Петербургской епархии по материалам археографических экспедиций 1988–93 гг. // Первые Дмитриевские чтения. СПб., 1997. С. 139–145.
21. Шамарин (1997) — *Шамарин В. В.* 275 лет староверию в Петербурге (Краткий исторический очерк) // Календарь Древлеправославной Поморской церкви на 1998 г. [М., 1997]. С. 54–61.
22. Шаров (2005) — *Шаров В. Г.* Религиозные объединения Санкт-Петербурга и Ленинградской области. СПб., 2005.